

ИНДЕКС АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА.

Фозилова Р.П.

*магистрант 1-курса кафедры «Макроэкономика»
Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека*

Аннотация. В статье исследуется Индекс активного долголетия (Active Ageing Index, AAI) как прикладной инструмент оценки того, насколько пожилые люди включены в занятость, общественную жизнь, независимое проживание и институциональную среду активного старения. Актуальность темы определяется тем, что старение населения уже трансформирует европейские рынки труда, пенсионные системы и бюджетные обязательства: по данным Eurostat, на 1 января 2025 г. 22,0% населения ЕС составляли лица 65 лет и старше, а коэффициент демографической нагрузки пожилыми достиг 34,5%. Цель статьи — выявить, какие элементы европейского опыта AAI могут быть методологически полезны для Узбекистана на этапе упреждающей адаптации к будущему углублению демографического старения. Используются сравнительный анализ, институциональная интерпретация, группировка стран по AAI и desk research официальных данных UNECE, Eurostat, WHO, IMF, World Bank, Центрального банка и Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. Получено, что сильные результаты стран Северной Европы связаны не с отдельной пенсионной реформой, а с согласованностью занятости 55+, здравоохранения, цифровой включенности и непрерывного образования. Для Узбекистана предложено рассматривать активное долголетие как часть политики человеческого капитала, рынка труда и фискальной устойчивости.

Ключевые слова: активное долголетие, Active Ageing Index, старение населения, рынок труда, человеческий капитал, демографическая нагрузка, Европа, Узбекистан.

Старение населения перестало быть только демографическим процессом и превратилось в один из ключевых макроэкономических факторов, влияющих на предложение труда, структуру потребления, устойчивость пенсионных систем, расходы на здравоохранение и долгосрочную производительность. Согласно ВОЗ, к 2030 г. каждый шестой житель мира будет в возрасте 60 лет и старше; численность этой группы увеличится с 1,0 млрд человек в 2020 г. до 1,4 млрд в 2030 г. и до 2,1 млрд в 2050 г., а население 80+ за 2020–2050 гг. может утроиться до 426 млн человек¹. Экономический смысл этих данных заключается не в самом увеличении возраста, а в изменении баланса между поколениями: рост доли пожилых усиливает давление на распределительные пенсионные системы, повышает спрос на медицинские и социальные услуги, а также требует продления экономически активного периода жизни.

Европейский союз является наиболее показательной лабораторией активного долголетия, поскольку старение в Европе уже достигло стадии, к которой большинство развивающихся экономик только приближается. На 1 января 2025 г. население ЕС оценивалось в 450,6 млн человек, из них 22,0% составляли лица 65 лет и старше; медианный возраст достиг 44,9 года, а коэффициент демографической нагрузки пожилыми равнялся 34,5%, что означает примерно три человека трудоспособного возраста на одного человека 65+². В Италии этот показатель составил 39,0%, в Болгарии — 38,7%, в Португалии — 38,6%, поэтому пенсионная и медицинская устойчивость в этих странах зависит не только от размера бюджета, но и от способности удерживать людей старших возрастов в продуктивной, социальной и здоровой активности.

Индекс активного долголетия, разработанный UNECE и Европейской комиссией, позволяет перевести дискуссию о старении из уровня общих слов в систему измеримых индикаторов. Он оценивает не «старость» как биологический факт, а степень использования потенциала пожилых людей через занятость, участие в обществе, независимое и безопасное проживание, а также наличие условий для

¹ World Health Organization. Ageing and health. Fact sheet, 2025.

² Eurostat. Population structure and ageing. Statistics Explained, 2025.

активного старения³. Для Узбекистана такой подход особенно важен, поскольку страна сохраняет демографически молодую структуру, но уже формирует будущие обязательства в сфере занятости, здравоохранения, ухода и пенсионного обеспечения.

Методология и информационная база

Методологическая основа статьи строится на сравнительном анализе европейских стран через логику ААІ, а также на прикладной интерпретации результатов для Узбекистана. В отличие от описательного обзора стран, исследование использует единую матрицу сравнения: занятость старших возрастов, социальное участие, независимое проживание, здоровье, цифровая и образовательная включенность, демографическая нагрузка и фискально-макроэкономический контекст. Такой подход устраняет методологический риск эклектики: статья не смешивает синергетику, психологию и эконометрику без операционализации, а концентрируется на тех показателях, которые измеряются официальной статистикой и могут быть использованы в государственной политике.

Таблица 1.

Структура Active Ageing Index и его макроэкономическая интерпретация

Домен ААІ	Вес	Индикаторы	Экономическая интерпретация
Занятость	35%	Уровень занятости 55–59, 60–64, 65–69, 70–74 лет	Продление трудового периода, снижение давления на пенсионные системы, сохранение налоговой базы
Участие в обществе	35%	Волонтерство, уход за детьми и пожилыми, политическое участие	Неформальный вклад пожилых в социальную устойчивость и межпоколенческие трансферты

³ UNECE. Active Ageing Index: methodology and policy tool.

Независимая, здоровая и безопасная жизнь	10%	Физическая активность, доступ к медицине, независимое проживание, финансовая безопасность, физическая безопасность	Снижение спроса на дорогостоящий уход, профилактика бедности и социальной изоляции
Потенциал и среда активного старения	20%	Ожидаемая и здоровая продолжительность жизни, ментальное благополучие, ИКТ, социальная связанность, образование	Накопление человеческого капитала на протяжении жизненного цикла и готовность экономики к серебряной экономике

Информационная база включает: методологию UNECE/European Commission по ААИ; данные Eurostat за 2024–2025 гг.; материалы WHO Decade of Healthy Ageing 2021–2030; прогнозы IMF и World Bank; документы Центрального банка Республики Узбекистан за 2025–2026 гг.; статистику Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан; нормативные документы Lex.uz, включая Стратегию «Узбекистан — 2030». Поскольку последняя общеевропейская аналитическая версия ААИ относится к расчётам 2018 г., в статье не создаются фиктивные «ААИ-2026» оценки; для актуализации до 2026 г. использованы свежие официальные демографические, трудовые и макроэкономические индикаторы.

Степень изученности проблемы

Теоретическая база активного долголетия формировалась на пересечении демографической экономики, теории человеческого капитала и институциональной макроэкономики. В классической линии исследования Т. Мальтуса, А. Сови, Г. Беккера, Ф. Модильяни, Р. Ли, Э. Мейсона, Д. Блума и Д. Каннинга старение населения рассматривается не только как изменение возрастной структуры, но и как перестройка потоков доходов, накоплений, налогов, пенсий и межпоколенческих трансфертов. Национальные трансфертные счета Lee–Mason особенно важны для понимания того, кто в экономике производит, кто потребляет и через какие каналы перераспределяются ресурсы между поколениями.

В европейской исследовательской традиции центральное место занимает школа А. Zaidi, разработавшая логику Active Ageing Index как композитного индикатора, соединяющего занятость, социальное участие, здоровье, безопасность, цифровые навыки и образовательный потенциал пожилых. В постсоветской литературе проблематика старения изучается через демографическую безопасность, пенсионную устойчивость, занятость старших возрастов и качество человеческого капитала; значимы подходы А.Г. Вишневого, С.В. Рязанцева, Н.М. Римашевской, О.В. Синявской и других авторов, анализирующих человеческий капитал, макроэкономическую модернизацию, занятость, инновации и структурные изменения. Однако именно индексный анализ активного долголетия применительно к европейскому опыту и его адаптационному значению для Узбекистана пока представлен недостаточно, что формирует научную нишу данной статьи.

Результаты: европейская модель активного долголетия

Сравнение европейских стран показывает, что высокий уровень активного долголетия возникает не за счёт одного инструмента, а вследствие институционального сочетания четырёх блоков: занятости 55+, здоровья, социального участия и образовательной среды. По общеевропейским расчётам ААИ 2018 г. к группе лидеров относились Швеция, Дания и Нидерланды с результатами выше 42 пунктов; вторая группа включала Великобританию, Финляндию, Германию, Ирландию, Францию, Эстонию и Бельгию с результатами выше 37 пунктов; наиболее низкая группа — Словакия, Болгария, Словения, Польша, Венгрия, Румыния, Хорватия и Греция — находилась ниже 33 пунктов⁴. Этот разрыв отражает не биологические различия старения, а качество институтов: доступность здравоохранения, гибкость рынка труда, распространённость непрерывного обучения, социальную связанность и пенсионные стимулы.

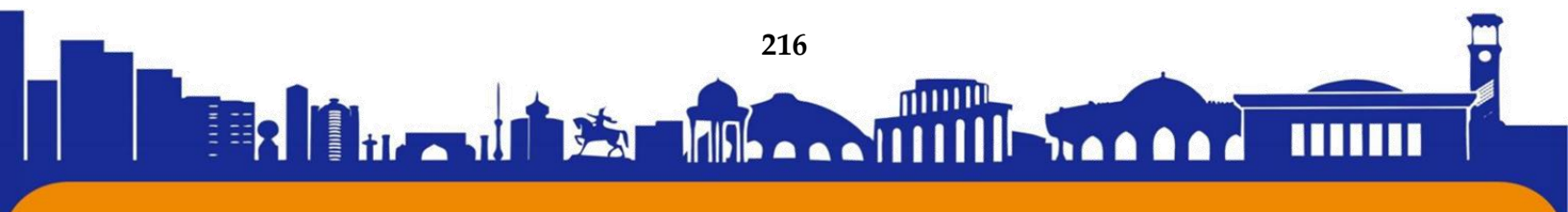
Таблица 2.

Актуальные индикаторы старения и занятости в ЕС

⁴ UNECE / European Commission. 2018 Active Ageing Index: Analytical Report. Geneva, 2019.

Показатель	Значение / период	Источник и смысл
Население ЕС	450,6 млн человек на 01.01.2025	Eurostat: масштаб рынка труда и социальной политики
Доля населения 65+	22,0% на 01.01.2025	Eurostat: каждый пятый житель ЕС находится в старших возрастах
Медианный возраст	44,9 года в 2025 г.	Eurostat: сдвиг возрастной структуры к старшим когортам
Old-age dependency ratio	34,5% в ЕС; Италия 39,0%, Болгария 38,7%, Португалия 38,6%	Eurostat: давление на трудоспособное население и PAYG-пенсии
Занятость 55–64 лет	мужчины 72,3%, женщины 60,8% в 2025 г.	Eurostat: рост участия старших возрастов в рынке труда
Динамика занятости 55–64 лет	+12,2 п.п. у мужчин и +13,5 п.п. у женщин за 2016–2025 гг.	Eurostat: продление трудовой активности становится главным ресурсом адаптации
Неполная занятость 55–64 лет	женщины 32,6%, мужчины 8,5% в 2024 г.	Eurostat: гибкая занятость одновременно расширяет участие и сохраняет гендерный разрыв
Прогноз возрастных расходов	пенсии, здравоохранение, долгосрочный уход и образование прогнозируются до 2070 г.	European Commission Ageing Report: старение является долгосрочным бюджетным фактором

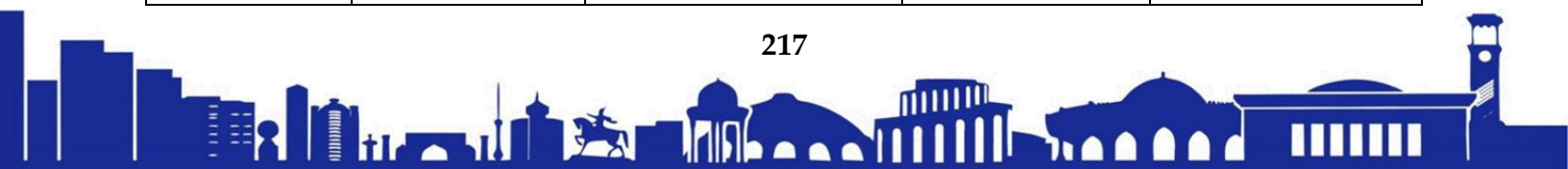
Данные таблицы показывают причинную цепочку: увеличение доли 65+ повышает коэффициент демографической нагрузки; рост нагрузки создаёт давление на пенсионные и медицинские расходы; ответом становится политика активного долголетия, которая повышает занятость 55–64 лет, улучшает здоровье и поддерживает самостоятельное проживание. Иначе говоря, ААІ фиксирует не только социальное качество жизни пожилых, но и способность экономики превращать долголетие из бюджетного риска в ресурс человеческого капитала.

Таблица

3.

Типология европейских моделей активного долголетия

Модель	Страны	Сильная сторона	Риск / ограничение	Урок для Узбекистана
Северная	Швеция, Дания, Нидерланды, Финляндия	Высокая занятость 55+, доверие к институтам, цифровая включённость, lifelong learning	Высокая стоимость социального государства	Начинать с дешёвых инструментов: профилактика, цифровые навыки, гибкая занятость
Континент.	Германия, Франция, Бельгия, Австрия	Сильные пенсионные и медицинские институты, развитая профподготовка	Риск раннего выхода из труда и высокой фискальной нагрузки	Связать пенсионные стимулы с переобучением 50+
Южная	Италия, Испания, Португалия, Греция	Семейная поддержка и межпоколенческая солидарность	Низкая формальная занятость старших возрастов и	Не переносить уход полностью на домохозяйства; развивать

			давление на семью	на рынок услуг ухода
Центр.-вост.	Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия	Потенциал догоняющей модернизации	Низкие показатели здоровья, доходов и социальной включенности пожилых	Создать национальную систему индикаторов до наступления глубокого старения

Североевропейский опыт особенно важен не как модель полного копирования, а как доказательство институциональной последовательности: высокий ААІ возникает там, где пенсионная политика не отделена от профилактического здравоохранения, образования взрослых и гибкого рынка труда. Южноевропейский опыт, напротив, показывает, что высокая продолжительность жизни без достаточной занятости и формальной системы ухода усиливает нагрузку на семьи и бюджет. Следовательно, активное долголетие должно измеряться не продолжительностью жизни как таковой, а сочетанием «здоровье + занятость + самостоятельность + социальное участие».

Узбекистан: ранняя адаптация до наступления глубокой фазы старения

Узбекистан пока не относится к старым экономикам в европейском смысле, однако именно это создаёт окно упреждающей политики. По данным Агентства статистики, на 1 января 2026 г. постоянное население страны составило 38,2367 млн человек⁵. На 1 апреля 2025 г. население моложе трудоспособного возраста составляло 12,1163 млн человек, или 32,1%; трудоспособного возраста — 21,1125 млн, или 56,0%; старше трудоспособного возраста — 4,4690 млн, или 11,9%⁶. Это означает, что главная задача страны — не бороться со старением, а заранее встроить

⁵ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Demographic situation of the Republic of Uzbekistan, January–December 2025.

⁶ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. How many of the permanent population are of working age 2026.

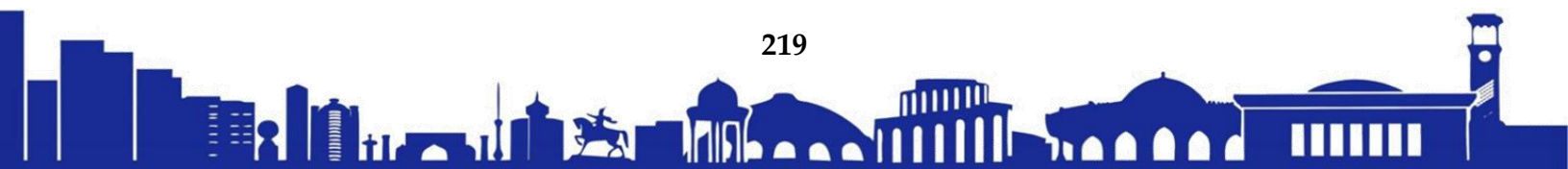

будущие пожилые когорты в систему занятости, здоровья, цифровой грамотности и социального участия.

Таблица 4.

Показатели для обоснования политики активного долголетия в Узбекистане

Показатель	Значение	Макроэкономический вывод
Постоянное население	38,2367 млн человек на 01.01.2026	Масштаб будущей системы занятости, здравоохранения и пенсионного обеспечения растёт
Население старше трудоспособного возраста	4,4690 млн человек, 11,9% на 01.04.2025	Старение пока умеренное, но база будущих обязательств уже значительна
Население трудоспособного возраста	21,1125 млн человек, 56,0% на 01.04.2025	Окно демографического дивиденда требует инвестиций в человеческий капитал
Дети 0–9 и население 60+	около 30,3% населения в 2023 г.	Рост спроса на care economy: уход за детьми и пожилыми должен стать частью занятости
Рост ВВП	7,7% в 2025 г. по оценке IMF	Сильный рост создаёт ресурс для ранних социальных инвестиций
Безработица	4,8% в 2025 г. по оценке IMF	Низкая безработица повышает значимость вовлечения старших возрастов и женщин
Инфляция	7,0% год к году в апреле 2026 г.; прогноз ЦБ — около 6,5% к концу 2026 г.	Стабилизация цен важна для реальных доходов пенсионеров и устойчивости социальных расходов

Социальные расходы бюджета	151,4 трлн сумов в 2024 г.; 102,5 трлн сумов — развитие человеческого капитала	Финансовая база активного долголетия уже связана с образованием, здоровьем и социальной защитой

Нормативно-правовая база Узбекистана также позволяет встроить активное долголетие в существующую стратегическую рамку. Стратегия «Узбекистан — 2030» ориентирована на развитие человеческого капитала, медицины и социальной защиты, а государственная программа её реализации на 2025 г. продолжает эту линию через социальную устойчивость, качество услуг и модернизацию институтов⁷. Поэтому для Узбекистана ААІ целесообразно рассматривать не как импортированный европейский рейтинг, а как методологический конструкт для национального индекса активного долголетия.

Практическая адаптация может включать пять блоков. Первый — регулярный расчёт занятости 55–64 и 65+ не только по полу, но и по образованию, региону и форме занятости. Второй — развитие профилактического здравоохранения и раннего выявления хронических заболеваний, поскольку здоровая продолжительность жизни дешевле для бюджета, чем поздний институциональный уход. Третий — цифровая грамотность старших возрастов, включая доступ к электронным государственным услугам, финансовой грамотности и дистанционному обучению. Четвёртый — создание рынка услуг ухода, где саге есопому становится не неформальной обязанностью женщин, а источником достойных рабочих мест. Пятый — формирование межпоколенческих программ, где пожилые выступают наставниками, участниками гражданской активности и носителями профессионального опыта.

Научная новизна и прикладной результат

Научная новизна статьи состоит в том, что активное долголетие рассматривается как макроэкономический механизм, а не как социально-гуманитарная декларация. Во-первых, предложена матрица переноса европейского ААІ в национальную

⁷ Указ Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11.09.2023 «О Стратегии “Узбекистан — 2030”»; Указ № УП-16 от 30.01.2025 о государственной программе реализации стратегии.

политику Узбекистана через четыре измеримых блока: трудовая активность 55+, социальное участие, независимое проживание и потенциал среды. Во-вторых, обосновано, что для Узбекистана приоритетом должна быть не реакция на уже состоявшееся старение, а раннее накопление институциональной готовности. В-третьих, показано, что европейский опыт полезен не набором отдельных реформ, а логикой согласования рынка труда, здравоохранения, образования взрослых и фискальной политики.

Ограничения и адаптация ААИ для национальной статистики

При использовании европейского ААИ для Узбекистана принципиально важно не подменять методологию простым копированием индикаторов. Европейская база данных опирается на EU-LFS, EU-SILC, ESS, EQLS, ICT Survey и другие обследования, которые имеют устойчивую периодичность и сопоставимость между странами. В Узбекистане аналогичная система может быть создана постепенно: сначала как пилотный мониторинг на базе уже собираемых демографических, трудовых, медицинских и цифровых показателей, затем как полноценный национальный индекс активного долголетия с региональным разрезом.

Критическое ограничение ААИ состоит в том, что высокий балл в одном домене не компенсирует полностью провал в другом. Например, страна может иметь сравнительно высокий уровень семейного ухода за пожилыми, но низкую занятость 55+; либо развитую медицинскую инфраструктуру, но слабую цифровую включённость старших возрастов. Поэтому для Узбекистана индекс должен использоваться не как рейтинг ради рейтинга, а как диагностическая панель, показывающая, где именно возникает институциональный разрыв: в рынке труда, профилактике заболеваний, доступе к электронным услугам, доходной безопасности или социальной связанности.

Отдельное значение имеет гендерный аспект. Европейская статистика показывает, что у женщин 55–64 лет уровень занятости ниже, а доля неполной занятости существенно выше, чем у мужчин. Для Узбекистана это означает, что политика активного долголетия не может быть сведена к повышению пенсионного возраста или формальному продлению трудового стажа. Она должна включать переобучение женщин старших возрастов, развитие частичной и дистанционной занятости,

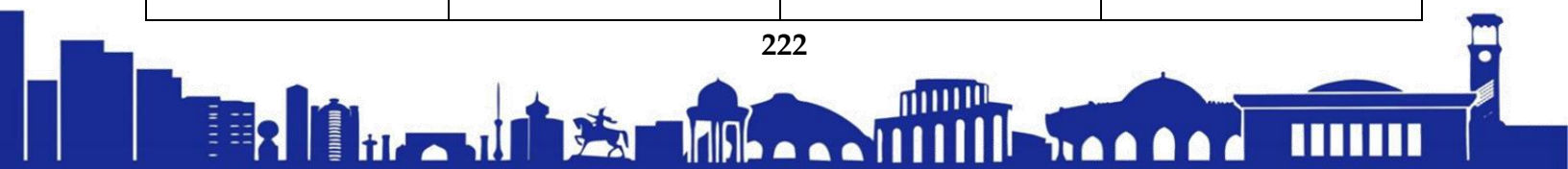

легализацию ухода как экономической деятельности и профилактику бедности пожилых женщин.

Таблица 5.

Предлагаемый каркас национального мониторинга активного долголетия для Узбекистана

Блок	Минимальный индикатор	Источник данных	Политическое применение
Трудовая активность	Занятость 55–59, 60–64, 65+ по полу и регионам	обследования рабочей силы, административные данные занятости	переобучение, гибкая занятость, возрастной аудит рабочих мест
Здоровье и профилактика	ожидаемая продолжительность жизни, диспансеризация 55+, хронические заболевания	Минздрав, Агентство статистики, WHO	снижение будущих расходов на лечение и долгосрочный уход
Доходная безопасность	пенсионное покрытие, минимальная пенсия, риск бедности пожилых	пенсионные и бюджетные данные, обследования домохозяйств	оценка адекватности пенсий и социальной помощи
Цифровая включённость	доля 55+ пользователей интернета, мобильных платежей и госуслуг	ICT-статистика, e-government данные	доступ к услугам, финансовая грамотность, снижение транзакционных издержек

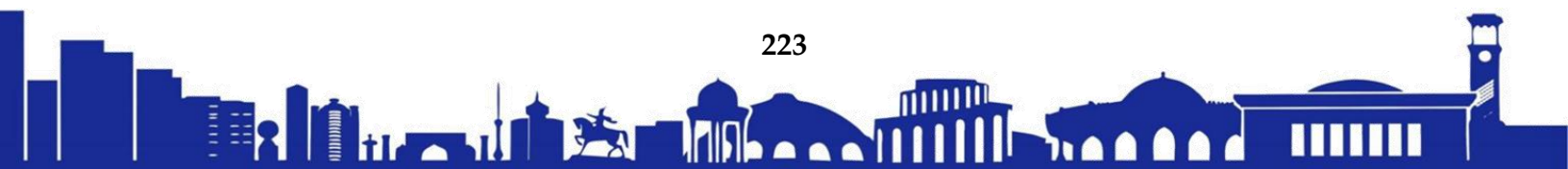
Социальное участие	волонтерство, наставничество, уход, участие в махалле	специальные обследования и административные данные	межпоколенческие программы, профилактика одиночества
Региональная дифференциация	индекс по областям: занятость, здоровье, доходы, цифровой доступ	агрегированная региональная статистика	таргетирование бюджетных программ и пилотных проектов

Такой каркас позволяет связать ААІ с действующими приоритетами «Узбекистан — 2030»: человеческий капитал, медицина, социальная защита, занятость и цифровизация. Его преимущество состоит в проверяемости: каждый блок имеет измеримый показатель, источник данных и управленческий выход. Это снимает главный риск псевдонаучности, который возникает, когда активное долголетие описывается только через общие слова о здоровье и благополучии.

В прикладном плане первым шагом может стать расчёт пилотного индекса по Ташкенту, Самаркандской, Ферганской и Навоийской областям, поскольку эти территории различаются по структуре занятости, урбанизации, доступу к медицине и цифровой инфраструктуре. Второй шаг — ежегодная публикация краткой статистической панели по населению 55+ и 60+. Третий шаг — включение результатов в программы занятости, здравоохранения и социальной защиты, чтобы рекомендации вытекали из данных, а не из общих деклараций.

Следовательно, европейский опыт ААІ для Узбекистана ценен не готовыми числовыми нормами, а исследовательской дисциплиной: сначала измерить, затем сравнить, затем выявить слабый домен и только после этого предлагать политику. Именно эта логика делает статью методологически устойчивой: теория объясняет экономический механизм, данные показывают масштаб, сравнение выявляет модели, а рекомендации выводятся из установленной причинной связи.

Риски механического переноса европейского опыта

Европейские модели нельзя переносить в Узбекистан без поправки на возрастную структуру, уровень доходов, неформальную занятость, роль махалли и семейных трансфертов. В ЕС политика активного долголетия часто формируется уже после достижения высокой доли 65+, тогда как Узбекистан находится в более ранней фазе и может избежать части фискальных издержек, если заранее сформирует профилактические и трудовые механизмы. Поэтому более корректной является стратегия селективной адаптации: брать не готовый пенсионный дизайн, а измерительную систему, институциональные стимулы и принцип согласования отраслевых политик.

Наиболее опасной ошибкой была бы трактовка активного долголетия как вопроса только Министерства здравоохранения или только пенсионной системы. Европейский опыт показывает обратное: старение становится управляемым тогда, когда рынок труда даёт людям 55+ возможность оставаться занятыми, система образования позволяет обновлять навыки, медицина смещает акцент с лечения на профилактику, а цифровая инфраструктура не исключает пожилых из государственных и финансовых сервисов. В этом смысле ААІ является не социальным индексом в узком смысле, а межсекторным макроэкономическим индикатором.

Таблица 6

Риски и условия адаптации европейского опыта ААІ в Узбекистане

Риск	Проявление	Антириск	Ожидаемый результат
Формальное копирование ЕС	Индикаторы считаются без учёта национальной статистики	Пилотный индекс с адаптированными источниками данных	Сопоставимость без потери национальной специфики

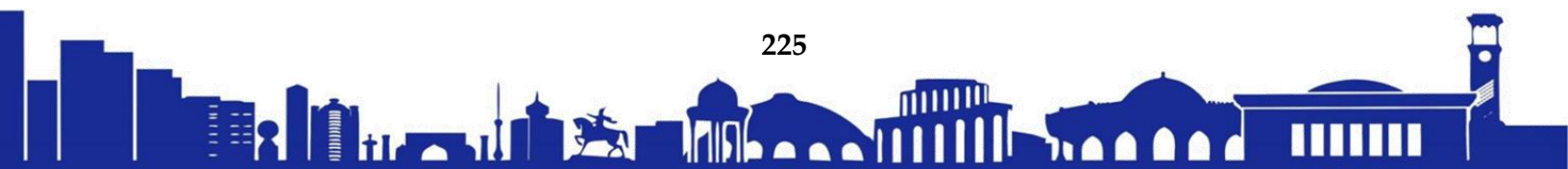

Сведение долголетия пенсиям	к Внимание только к пенсионным выплатам и возрасту выхода	Связать пенсии с занятостью, здоровьем, уходом и цифровой включённостью	Снижение будущей фискальной нагрузки
Скрытая нагрузка на женщин	Уход за пожилыми остаётся неоплачиваемой семейной обязанностью	Развивать рынок услуг ухода и профподготовку care-персонала	Новая занятость и снижение гендерного неравенства
Региональное неравенство	Ташкент и области различаются по медицине, занятости и цифровому доступу	Региональный субиндекс активного долголетия	Точное таргетирование бюджетных программ

Таким образом, практическая рекомендация состоит не в том, чтобы немедленно вводить полный европейский ААІ, а в том, чтобы создать «лёгкую» национальную панель из 12–15 ключевых показателей и ежегодно расширять её по мере доступности данных. Такой подход соответствует методологии ВАК: он имеет объект измерения, проверяемые источники, причинную связь с макроэкономикой и понятный управленческий результат. При этом статья сохраняет научную строгость: психологические и поведенческие аспекты не исключаются, но рассматриваются только через измеримые прокси — здоровье, цифровое участие, социальную связанность и занятость.

Заключение

Сравнительный анализ европейского опыта показывает, что старение населения становится экономической проблемой только тогда, когда длительная жизнь не сопровождается здоровьем, занятостью, самостоятельностью и социальной включённостью. Active Ageing Index позволяет измерить этот разрыв и тем самым

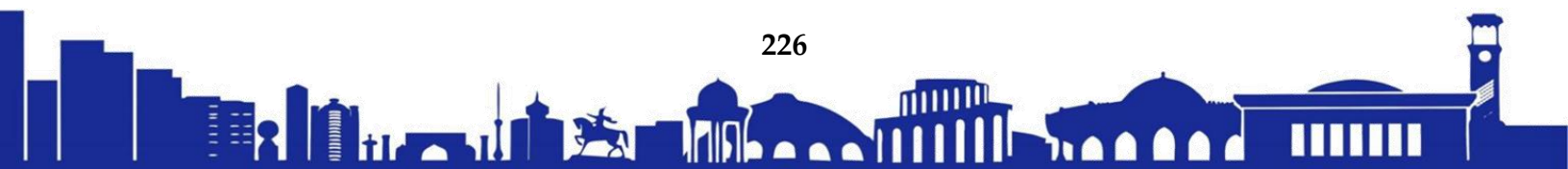

превращает активное долголетие в объект доказательной политики. Лидирующие европейские страны демонстрируют, что высокий результат достигается через системное сочетание занятости 55+, профилактического здравоохранения, lifelong learning, цифровой доступности и доверия к социальным институтам.

Для Узбекистана главный вывод состоит в необходимости действовать до наступления глубокой фазы старения. Наличие молодого населения не отменяет будущего роста пенсионной и медицинской нагрузки, а, наоборот, создаёт период, когда можно сравнительно дешевле сформировать инфраструктуру активного долголетия. Национальная адаптация европейского ААИ могла бы стать инструментом мониторинга политики человеческого капитала, занятости старших возрастов, care economy и фискальной устойчивости. В этом случае долголетие будет восприниматься не как бюджетная угроза, а как ресурс устойчивого развития, накопленного опыта и межпоколенческой продуктивности.

Список использованной литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Старение и здоровье. Информационный бюллетень. 2025.
2. Eurostat. Структура населения и старение населения. Statistics Explained. 2025.
3. Европейская экономическая комиссия ООН. Индекс активного долголетия: методология и инструмент государственной политики.
4. UNECE / Европейская комиссия. Индекс активного долголетия 2018: аналитический отчет. Женева, 2019.
5. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан за январь–декабрь 2025 года. 2026.
6. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Какова доля населения трудоспособного возраста? 2026.
7. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11 сентября 2023 года «О Стратегии “Узбекистан — 2030”»; Указ Президента Республики Узбекистан № УП-16 от 30 января 2025 года «О Государственной программе по реализации Стратегии “Узбекистан — 2030”».

8. Международный валютный фонд. Республика Узбекистан: заключительное заявление миссии по статье IV за 2026 год. Апрель 2026 года.
9. Центральный банк Республики Узбекистан. Показатели инфляции и прес-релизы по денежно-кредитной политике. Апрель 2026 года.
10. Европейская комиссия. Доклад о старении населения — 2024: экономические и бюджетные прогнозы для государств-членов ЕС на 2022–2070 годы. Люксембург, 2024.
11. Всемирный банк. Обзор экономики Узбекистана и данные по человеческому капиталу. 2025–2026.
12. ПРООН / Всемирный банк. Совершенствование системы ухода в Республике Узбекистан. 2024.
13. Хашимов П.З., Абдиуалиева Г.А. Развитие интеллектуального потенциала в Узбекистане: вызовы и возможности // Актуар молия ва бухгалтерия ҳисоби илмий журнали. 2024. № 4(06). С. 158–165.
14. Султанова Л.Ш. Динамика профессиональной структуры рынка труда как показатель грядущих изменений экономики.
15. Султанова Л.Ш. и др. Экспортный потенциал Узбекистана с использованием инновационных аналитических инструментов // International Journal of Advanced Science and Technology. 2020. Т. 29. № 9s. С. 5708–5717.
16. Султанова Л., Гайсина А. Мировой кризис и сырьевые экономики переходного типа // Central Asia and the Caucasus. 2009. № 4–5(58–59).
17. Беккер Г. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ. Чикаго, 1964.
18. Ли Р., Мейсон А. Старение населения и экономика поколений. Edward Elgar Publishing, 2011.
19. Блум Д., Каннинг Д., Финк Г. Последствия старения населения для экономического роста // Oxford Review of Economic Policy. 2010. Т. 26. № 4. С. 583–612.
20. Заиди А. и др. Индекс активного долголетия 2012: концепция, методология и итоговые результаты. Вена, 2013.

